

Абсент

Александр Маурцев

Александр Маурцев

Абсент

<https://litres.ru/73825881>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман повествует о том, как каждый человек рассказывает собственные истории всегда не до конца, закрывая все ненужное или болезненное невидимой рамкой, а потому картина получается всегда неполной. И также эта история, которая казалось бы является обычной семейной поездкой разворачивается полной картиной без всяких рамок, поднимая вопрос боли, желаний и вождений, надрыва и поиска счастья.

Содержание

Глава	4
Глава первая - Поездка	5
Глава вторая - Сутолока	8
Глава третья - Трапеза	12
Глава четвертая - Утро	17
Глава пятая - Незнакомка	19
Шестая глава – Первая прогулка	26
Седьмая глава - Пробка	28
Глава восьмая – Заезд в квартиру	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Абсент

Глава

Слова благодарности:

Благодарность моей семье и друзьям, всегда любившим меня за тот взгляд, которым я видел мир, ту претенциозность бытия солнца, неба и тех самых лучей!

Эпиграф

Любая рассказанная история – это всего лишь картина с рамкой. Куда важнее разглядеть весь холст без граней.

Глава первая - Поездка

Еще будучи ребенком, я вечно был опечален при виде людей, обедающих в одиночку. Внутри ощущая неподдельную потерянность, невозможность помочь им непонятно от чего; у меня наворачивались слезы попросту от того, что человек одиноко грустит во время обыкновенной для себя самой трапезы. Столь глубокая тяжесть, пронизывающая душу целиком, не давала мне покоя, отчего вообще возникало это чувство, неподвластное ребенку, необузданное и до своего ужаса бездонное. Может он и не тоскует вовсе, скорее даже эта была, по своему обыкновению, усталая эмоция, неподдающаяся моему детскому беззаботному пониманию. Я будто бы переживал вину за грусть обедавшей персоны, а оттого нутро мое стремилось спешно подступить и прижать ее к сердцу. И вот, спустя пятнадцать с небольшим лет я уже сам в слепом застолье на месте одичалых усталых эмоций, с комом в горле, вспоминая свою тогдашнюю беспомощность и иллюзорность помочь себе теперешнему.

Салат с сухими грибами и рубленой курицей беспрестанно глядел на меня в очертаниях громоздкой тарелки. Ребенком я не любил ни грибы, ни помидоры, да и ел всегда с кем-то, оставляя большую часть пищи другим. Луковый суп, который я также попробовал впервые, был необыкновенно

приятным на вкус, словно крепкий сон днем и столь ясное и яркое пробуждение после него. На десерт и сопровождение этих блюд красным цветом выделялся на столе сидр с оттенками грейпфрута, не приторный полусухой прохладный. Одурманив меня, алкоголь возжелал, чтобы я достал папиросу из рюкзака.

- Я на теневой стороне. Повезло же. - промелькнуло в голове.

Узкая улочка съезда на Маяковской взбудоражила воспоминанья. Недвигающиеся машины, словно застывшие в сутолоке жаркого и безнадёжного понедельника. Первый вдох, я взглянул на алебастровый балкон, который еще пару секунд привлекал мое внимание. Возникло ощущение, что каждый из этого затора глядел именно на меня, а потому я тотчас надел очки, укрываясь от их осуждающих взоров. Дым, медленно растворяясь в едком воздухе, воплощал различные картины минувших лет. Я взглянул на отражение в стекле автомобиля. Щетинистое лицо, слегка видневшиеся скулы, шевелюра цвета самого спелого каштана.

Улочки, балкон, сигарета - все вдруг окружавшее меня переносило в то самое место, куда я скоро снова отправлюсь. Телефон разрывался от предвкушений новой поездки, пока я, как и дым, никак не мог раствориться в воздухе. Пот-

хоньку прощаясь с дымом папиросы, мне вспоминается он - Питер. Последний раз я был там чуть боле двенадцати лет назад. С тех пор в очертаниях моих мыслей только брат и нежное картофельное пюре матери отца, да больше ничего. Я снова здесь.

Глава вторая - Сутолока

Перрон. Загрузив чемоданы в придачу с парой сумок незнакомок, я выбрался наружу незаметно покурить под предлогом духоты в вагоне. Никто из семьи не курил, и уж точно не одобрил бы мою причуду гробить себя. Отец еще в моем детстве выкуривал по пачке-две в день двадцать лет к ряду. И вдруг, в один из дней перестал, но я тогда не помню, отчего именно, младенцем еще был. А сейчас то он на дух не переносит курящих, вечно провожая их фразами: «Фу, накурили!», «Опять кто-то надымил!». Меня это забавляло, поэтому, скрываясь ото всех, даже незнакомцев, я расположился поодаль вагона. Да и попросту, дабы не мешать семье в приготовлении купе. Терпеть я не мог всю эту суету и толкучку. Докурив, я взглянул на время: "Постою еще пару минут в прогорклom вокзале" - возникло в голове.

Тотчас преодолев незнакомые купе, оказался я прямо напротив своей семьи. Тусклое окно отделяло нас. Мама суетливо старалась расстелить нижние полки. Отец же, по-видимому, твердил ей и нравоучал, как правильно; хоть слов я и не слышал, но суровую манеру видал ясно. Сквозь стекло слова будто бы выстреливали в воздух, не достигая меня. Я был под сенью умиротворенного вокзала, вкушая каждую секунду этого спокойствия. Сигарету я докурил, а потому воз-

желалось мне обратить на себя внимание, дабы они отвлеклись от ненужной суеты хотя бы на миг. Безуспешные танцы руками напротив камерного купе были тщетны, поэтому тотчас за минуту до нашего отправления я улыбнулся проводнице и поднялся на первый этаж к своему пристанищу. Мама, как обычно, предложила заправить верхнюю полку и поменяться с ней.

- Мне сверху удобно - тотчас соврал я. И более уверил ее в этом своим теплым касанием руки.

Закинув все необходимое наверх, мы начали трапезничать, как это принято в поездах дальнего следования. В один миг из чемоданов семья филигранно достала все непереносимое и насущное для домашней трапезы. Вот только чая не доставало для полноты картины - чая в тех стальных подставках, чье наличие можно узреть только в подобном месте. Как раз в этом таилась сокровенная исключительность поездов. Флер, неподвластный ни машинам воздушным, ни водным.

- Сынок, сходишь за чаем? - На мое удивленье, по-доброму, спросил папа, взглянув в глаза.

- Я схожу - остро раздалось от мамы. Она была взбудоражена, словно тело ее желало движения.

- Я сам, отдыхай, не волнуйся же - тотчас вскочил я и произнес.

Мама насобираала мне мелочи, дабы оплатить чайные пакетики. Хоть деньги у меня и были, я словно Буратино, побрел в начало вагона вдоль раскачивающихся купе, держась за перила. Уверенными шагами в развязанных ботинках я пробирался по тянущемуся пунцовому ковру вагона. Наконец, добравшись до купе проводницы, удивленно осмотрел ее каюту. К сожалению моему, ее там не оказалось, но этот миг позволил оглядеться и притереться к месту. Тотчас, мимо меня проскользнула неизвестная особа в форме, и в воздухе промелькнуло: «Она сейчас подойдет». Пару мгновений, и предо мной пристала низкая смуглая девушка с черными волосами. Ее темные глаза, словно две магнитные сферы, притягивали к себе. Округленные формы были непропорциональны ее росту, что резко бросалось при первой встрече.

- Вам чай? - четким поставленным и слегка уставшим голосом вылетело из ее смуглого лица.

- Добрый вечер! Да, будьте добры, три стакана и три пакетика чая - с утонченной улыбкой произнес я. Намерением было сразу расположить к себе проводницу, ведь сколь-

ко же еще ехать. Мимолетные шутки проплывали, как деревья, которые мы видели сквозь окна вагона, стремительно и незапоминающе, лишь оставляя приятный шлейф на душе и лучезарную усмешку на ее лице.

- А лимончика у Вас не найдется случаем? - напоследок спросил я.

- К сожалению, нет - опечалено ответила проводница, будто в полной мере прониклась тем, что ничем не могла мне помочь боле.

Я улыбнулся ей на прощанье и обмолвил фразу, дающую ей вереницу надежды - "До встречи!".

Она кивнула мне, темные сферы сверкнули и тотчас исчезли в купе. Я с тремя стаканами с кипятком грузно побрел в сторону своего пристанища.

Глава третья - Трапеза

Беседа за кушаньем - вещь весьма занимательная. Лакомаястряпня неизменно объединяла людей. Добавьте немного бодрой, ни к чему не ведущей пустой болтовни - получится выйти из самого грустного положения хотя бы на один миг. Звук дребезжащих стаканов в подстаканниках не мог позволить расслабиться в купе, поэтому я вложил в пространство между ними по салфетке - звук утих. На столе лежала пара кусочков курицы, сложенные в подставку овощи таким образом, чтобы помидоры не превратились в томатную кашу; подстаканники, словно шахматные фигуры расположились напротив купленного сливочного масла с сухими.

Воздух нуждался в беседе. Не питал я симпатий к разговорам о политике, работе, здоровье и моем будущем. Последние три всегда волновали моих родителей, в странной особенности давил отец. Как правило, я либо молчаливо кивал в такт окончания громогласных изречений, устремившись в одну точку, держа зрачки максимально широкими, будто бы пытаюсь разглядеть микроскопический мир во всей его необычайной красе, неподдающейся ни мне, ни кому-либо другому; либо попросту отвечал одной и той же проникно-

венной без зубоскала фразой: «Да, помню, да, понимаю, да, ты говорил, да, я знаю, да, благодарю же». С Ним надо было всегда аккуратно подбирать тему для разговора, иначе она перейдет в одну из четырех представленных, что было мне до боли невыносимо. Диалог превращался в монолог и демагогию нравоучений в уплотненной упаковке корысти и выгоды. Он обладал невероятной способностью считывать сущность людей с пары фраз и находить в каждом выгоду для себя и для них самих. Истинная и искомая правда, от которой ребенок, если не ногами, то мыслями хочет сбежать. Абсолютно любого человека он мог покорить, причем делая это играючи, грациозно и филигранно. Я никогда не бывал на его работе, а потому сие действие я мог проследить лишь в дни нашего пребывания на отдыхе, когда я только-только запоминал путь до дома, да номер нашей комнаты, ему тотчас махали и улыбались все отдыхающие отеля. С годами я проникал все глубже в черты характера и поведения этого человека, до боли родного и близкого, и вместе с тем совершенного мне незнакомого. Право быть, я начал писать эти строки года два тому назад, а продолжаю их только сейчас, за что прошу меня простить, Дорогой читатель. Сообщаю лишь я только об этом, потому как мнение мое по большей части вещей и событий переменялось, а от того история бы получилась совершенно другой; а я же стараюсь воскресить крупницы памяти, которые связывали меня тогдашнего с тем местом, а потому и размышлять далее я буду аналогичным

образом.

Он мог с утонченной улыбкой давить на душевный хребет человека настолько, что особа эта в состоянии подвешенном была готова сделать что угодно, лишь бы ее вернули самой себе. Те, кто по состоянию своему был наивен, недалек или же слаб, попросту подчинялись его обаянию. И я не берусь судить или осуждать, извольте, ни в одном из сказанных слов не было ни капли укоризны. Никто не смеет осуждать другого, мы не можем помыслить через что прошел человек. Вот только есть ли у этого предел? Пока Вы сами не станете этим человеком, проживая каждый миг, как свой собственный, тогда то Вы и можете помыслить осудить его.

Хоть и было это слегка грубовато по чувству такта, но я неизменно перебивал и заводил разговор про близкого моему сердцу друга, имя которого столь невообразимо, что каждый раз еще за школьной партой учителя наши растягивали каждый звук - Антонио, словно мама раскатывает тесто скалкой. Это для меня он был всегда Антохой, но для людей старших или же незнакомых Антонио. Тема эта всегда оставляла теплый след на моей душе, отчего я заводил ее в одну из таких непереманных минут.

- Помню, как мы гуляли с ним по оживленному Арбату, который никогда не был мне по нраву. Там тебя всегда встре-

чали врасплох музыканты, клянчившие деньги, а ты даже не успевал насладиться их музыкой. Все там есть, и ничего нету. Ноги наши хотели посидеть, а потому, выбрав одно из простирающихся заведений, где толпа была не столь огромна; мы встали за какой-то парочкой. Девушка уточнила, есть ли у нас бронь. Друг мой отошел поговорить по телефону, а я отвечал за нас двоих.

- "Как Вас зовут?" - уточнила миловидная дама.

Услышав вскользь свое имя еще в очереди, я почему-то решил назваться именем друга. Александров то много, а вот Антонио, такой лишь один. И девушка столь восхитилась моим новым именем, отчего произнесла его глубоким душевным желанным голосом: "Для Вас, Антонио столик будет готов через минут двадцать, я Вас позову, хорошо?". Друг мой вернулся, и по прошествии продолжения дружеской беседы среди толпы прозвучал звонкий и четкий голос: "Столик для Антонио на двоих!" Видали бы вы его физиономию, когда она обратилась и выискивала среди толпы моих глаза. Я тогда хохотал и даже после того, как мы сели, намеренно подошел к той даме и уточнил: "А где я смогу помыть ручки?". Девушка все также продолжала с придыханием: "Антонио, слева по коридору". Первый раз я тогда за лет десять нашей дружбы завидовал его имени. Хорошо, что для меня он оставался навсегда Тохой.

Отужинав, я забрался на свою полку, придавшись полудрему. Тяжко всегда было засыпать при такой тряске.

Глава четвертая - Утро

Утро в поезде. Спина ноет от нехватки места на верхней полке. Я не поднимаю тело, дабы мой лоб не ощутил вдруг потолок. Аккуратными неторопливыми движениями я спускаюсь точно также, как и карабкался вверх вчера. Снизу тянусь до маленького полотенца, выданного каждому пассажиру. Сбежав со своей койки, я быстро зашагал в сторону уборных, дабы хоть как-то привести выражение лица и пряди в порядок. Волосы на удивление не засалены, но зачес был безобразен, от чего отражение лица отвергалось мной.

Мы выпили еще чаю, отзвук стаканов уже не мешал. Утро без передраг, каким оно должно быть в такие мгновенья, мгновенья, когда ты с семьей. В подобные секунды хочется уберечь родителей от всякой излишней эмоции, которая забрала бы у них самое дорогое - время. Бестолковые обстановки, когда крик, нет, даже ор, заполняет все вокруг; жилы вскипают, а уши становятся двумя фумаролами¹; именно подобного я не переношу всем сердцем. Когда обстоятельство не стоит потраченных эмоций и энергии, мы растрати-

¹ Фумарола (итал. fumarola, от лат. fumare — «дымить(ся)») — трещина или отверстие, располагающееся в кратерах, на склонах и у подножия вулканов, и являющееся источником горячих газов.

ваем себя в ненужных скандалах, а после уже не выдерживаем себя в самых простых обстановках.

- Откуда этот неприятный шум? - несдержанно спросил отец.

Я словно прочувствовал осознанное дежавю, положил бумажку меж стаканом и подставкой. Звук утих, утренняя тишина приобрела новый образ вместе с ясной слегка облачной погодой. Утро в разных городах отличается. В этот момент я осознал, сколь долго не ездил в поездах. Лет десять назад они были гораздо хуже, у них был другой запах, но в купе было больше места. Сейчас есть куча бесполезного содержимого, и совершенно нет места для самого главного - человека. Поезд замедлялся, мы были готовы выходить, чемоданы уже стояли у выхода. Я предвкушал первый вздох давно забытого города.

Глава пятая - Незнакомка

Тотчас мы ринулись сквозь толпу к выходу, будто знали, что идем в верном направлении. Никакого примечательного запаха я тогда не почуял; аромата, за который можно было бы зацепиться. Сам вокзал, такой же ревущий прокуренный, как и все остальные. Солнечные лучи проблескивали чрез дебаркадер, направляя нас к городу. Легкая суতোлка с чемоданами, но я уже чуял свободу этого места. Во мне вдруг вспыхнули непривычные чувства (до той поры выжидавшие в моем сердце) Ощущения, что я могу завести беседу с кем бы то ни было; любая *idée*² (от франц.) в моей голове тотчас способна реализоваться.

У нас была дилемма: сдать чемоданы и погулять часок другой, или же кто-то из нас посидит вместе с ними внутри вокзала, в душном зале ожидания. Дело в том, что заезд в квартиру только с трех, так что нужно было хоть как-то скоротать время. Конечно же я вещал за прогулку. Во мне вдруг возникло невероятное стремление вырваться из обыденной рутины собственной жизни; заговорить с каким-нибудь незнакомцем; отведать что-нибудь новое; побывать в

² *Idée* (франц.) – идея

месте, до той поры мне неизведанной. Но от того случая, что прибыл я с семьей (будто бы представляя их грузом или нечто подобным. Скорее я хотел себя видеть, как нечто обособленное и независимое), я всеми фибрами стремился оторваться, вырваться от них при любой удачной перспективе, или как было тотчас, при своем ухищрении.

- Нам же нужно сдать чемоданы, вон там карта вокзала. Пойдите тут, чтоб вам лишний раз не ходить. Я посмотрю, где камера хранения. - Быстро и не оглядываясь на семью, сказал я им, не дожидаясь согласия. Я столь быстро сообщил о своем намерении, что пошел в сторону карты со своим маленьким чемоданчиком.

- Хорошо - вскользь моему шагу пронеслось от матери. Очень добрый и ласковый голос проводил меня.

Около огромной навесной карты со множеством обозначений вокзальных пунктов стояла девушка с чемоданчиком. Приближаясь к ней, я мог разглядеть ее сбоку; приятные глазу светло-каштановые волосы чуть длиннее плеч. Легкая черная рубашка, словно облака в *Civita di Bagnoregio*³ (от

³ Civita di Bagnoregio (итал.) – древний город в центральной Италии в провинции Витербо, в 120 км от Рима. Город, расположившийся на вершине скалы, который, по описанию, «парит в облаках». Попасть в Civita di Bagnoregio можно только по узкому пешеходному мосту, который уходит в небо и исчезает среди облаков. Также Civita di Bagnoregio называют «умирающим городом».

итал.) вместе с льняными штанами добавляли ей загадочности и лоску. Я описываю ее одежду только от того, что тогда я мог заметить только ее одеяния и волосы, а лицо я смог узреть лишь после начатого диалога. Она слегка опиралась на свой чемодан, задумчиво стараясь найти что-то на карте. Я встал на ее уровне (хотя страты наши были различны), мой чемодан добавил мне не столько претенциозности, сколько образ молодого парня, путешествующего за единоразовыми ощущениями; прошедшего свой путь, которого бы хватило как минимум на один прекрасный вечер. Она не обратила на меня своего взора, продолжая что-то искать на карте.

Я не помню в точности, как начал тот диалог; с какой-то шутки или же незапоминающейся в голове фразе, нечто в таком роде:

- Глаза так и разбегаются, где же эта камера хранения? Вы случаем не видели ее? - с улыбкой спросил я, повернувшись к ней, и глянул яро в глаза к середине вопроса.

Ее глаза засверкали, на лице неожиданно для меня проступила улыбка.

- Тоже никак не могу ее найти - с улыбкой, перерастающей в легкий смех, сообщила она мне нашу общую проблему. Такой смех или даже смешок бывает, когда что-то дол-

го делаешь; занятие, на которое не нужно столько времени, но без него не двинешься дальше, а у тебя все не выходит и не складывается. Тогда и вырывается наружу этот легкий безудержный смешок. Здесь я попал в самое яблочко. Придвинувшись к ней таким образом, что наши чемоданы встали практически вплотную, я сказал.

- Что ж, давайте искать вместе – уже с большей уверенностью сообщил я ей, потому как она не отпрянула от меня, а даже немножко прильнула к моему пространству, возможно, надеясь, что я решу нависшую проблему. Может мне это тогда и привиделось, и она не делала никаких действий, но то ощущение (возникшее в груди) взбудоражило меня и было прибавило уверенности.

- Давайте взглянем на обозначения – сказал я незнакомке, указывая на легенду карты в левом углу правой рукой, таким образом, что левой я держал чемодан уже позади ее спины; расстояние между нами уменьшилось. Параллельно я добавлял легкие остроты по поводу нашей проблемы.

В конечном итоге я определил, что камера хранения расположена на другом конце вокзала, подсказав незнакомке. Она, поблагодарив, ушла, а я развернулся к родителям, которые наблюдали за мной со спины. Они не знали, что мы обсуждали, видели только мои действия и перманентную уве-

ренность, которая возникла буквально из ниоткуда. Мама смотрела на меня с искренне сдержанным удивленным смехом, который означал именно то, что она мне сообщила в то же мгновение, когда я подошел к ним со своим чемоданчиком.

И на минуту нельзя его оставить, сразу найдет с кем заговорить – с улыбкой заметила мама, отчего на душе мне стало очень тепло и смешно. Она еще с детства после каждого моего трепы твердила мне «болтун – находка для шпиона». Отец же с гордым взглядом заглянул мне в глаза, немного подождав, проронил вскользь так, чтобы мама, вероятно, не услышала.

- Сходи в камеру хранения. Если тебе нужен ее номер, или... - сказал он мне глядя в глаза, будто сам прожил или уже проживал подобные истории. В его глазах можно было узреть каждый пережитый нюанс.

- Та это просто легкий обычный диалог, ничего такого – ответил, нет, даже слегка перебил ход его мыслей; сказал так, будто бы такие диалоги происходят каждый день, и я уже не придаю им значений.

- Ну смотри сам – кратко ответил отец.

После его слов в голове начали витать противоречивые мысли. Может все-таки стоит дойти, добежать до той незнакомки, узнать ее имя, дописать незаконченный мольберт.

- Хорошо, я пойду, проверю, как далеко камера хранения, чтобы вам не таскаться с чемоданами. – сказал я родителям, дабы еще раз увидеть ее антураж.

Я ринулся уже со своим счастливым чемоданчиком вдоль зала ожидания, не видя людей, не замечая магазинов и сутолоки привокзальных разговоров. Спустился вниз по лестнице столь филигранно, как бегал и прыгал в школе по лестницам. Сердцебиение усилилось, и не от бега, а от ощущения, когда взгляд еще не нашел ее образа. Я в камере хранения; огромные стеллажи, куча проходов, ее нигде нет, сердцебиение учащается от каждого поворота головы. Апофеоз, она. Я также замечаю ее сбоку; загадочна и прекрасна. Она все не видит меня. На мгновение я оторопел, оперся на чемодан, и он словно сам поехал в ее сторону; Я медленно прошел мимо нее, будто бы ищу свою ячейку или Бог знает, что еще, но так, чтобы именно она заметила меня первая. Наши взгляды соприкоснулись. Она нежно одарила меня своей улыбкой.

- Наконец-то мы нашли ее. Общими усилиями справились. Вы разобрались, как здесь все устроено? – Задал я ей этот вопрос, потому как сам не знал, что спрашивать. Хо-

телось чуть больше остаться в состоянии незнакомцев. При ней уже не было чемодана.

- Да, на удивление все оказалось просто. Спасибо Вам. – неторопливо и плавно ответила она мне, будто бы ожидая еще какого-то вопроса. Посмотрела мне в глаза.

- Хорошей поездки! – с утонченной улыбкой ответил и обрезал я.

Периодами вспоминал, почему же я не познакомился с ней. Ни к чему особо толковому не пришел. На тот момент я почувал, что город хочет дать мне нечто большее, чем мимо-летное знакомство на вокзале. Слишком все просто, а я здесь ненадолго. Признаю, поначалу звучит нелогично. Кто же откажется от такого соблазна. Но именно в этом и была загвоздка. Чувствуя всем своим нутром, что нужно отпустить эту лосковую нить, дабы приобрести нечто за гранью подобных историй. Возможно, такими размышлениями я оправдывал какую-то боязнь, но это уже не имеет значения.

Шестая глава – Первая прогулка

Не стоит сразу раскрывать, чем таким примечательным ознаменовалась моя первая прогулка в городе. Если я сообщу Вам, что ничего такого не произошло, то даже к интригующей истории Вы отнесетесь, как к чему-то несущественному. Ежели сказать наоборот, то излишне можно поднять Ваши ожидания, что мне, собственно, ни к чему. Начать стоит с душевного ощущения, под ощущениями я подразумеваю волны, бушующие в моей голове: тревога, что на тебя косо взглянут из-за одежды, теплая ли погода; как там сейчас мама с папой, не поругаются ли они в минуты моей прогулки; мысли о несделанной работе; о далеком сбывшемся в мечтах будущем; ну и наконец попросту усталость после неудобной ночи в поезде. А за этим всем скрывался пока еще кроткий огонек мыслей того, что же мне предложит город в оставшиеся четыре дня. Я вышел на главную площадь вокзала. Подождав с минуту, чтоб привыкнуть к солнцу, и хорошенько осмотревшись, размышлял, в какую из сторон мне пойти. Меня привлек взгляд двух дам, вышедших из вокзала вместе со мной. Как джентльмен, я придержал им дверь. Взгляд благодарности проводил меня. Меня словно питали эти взгляды. Как хотелось мне зацепиться хоть чем-то еще за их мысли, за их истории. Я был *Entraînés par la foule qui*

*s'élance, Et qui danse une folle farandole, Et qui danse une folle farandole*⁴ (от франц.), но совершенно один. А потому я направился туда же, куда и они, став моими путеводными звездами. Не подумайте ничего плохого и грубого, я не преследовал их, ничуть, я даже не смотрел в их сторону, лишь позволил им выбрать направление за меня самого.

Множество кофеев, узкие до легкой неприязни улочки от того, что нужно быть на чеку, дабы какой-нибудь такой же гуляка случаем не врезался бы в меня. Солнце будто было в зените. Курить не хотелось, то ли от огромного скопления людей, то ли от на удивление чересчур хорошей погоды для этого места. Я все пытался найти хоть какой-то знак от города: люди, разрисованные стены, числа на номерных знаках пролетающих машин – все, что могло указать мне путь. Не успев пройти и трех поворотов, к девушкам подошла третья подруга, по-видимому, встречавшая их. Они тепло приветствовали друг друга, а я тотчас сменил направление, покинув их историю.

Седьмая глава - Пробка

Возвратившись в душный зал ожидания, где сидели родители с чемоданами, мы начали размышлять, как же доберемся до квартиры.

Закажем такси и с ветерком доедем – тотчас предложил отец. Я поддержал эту идею, у нас было много чемоданов; тащиться с ними не возникало особого желания. Казалось бы, что мы здесь ненадолго, но вещей у нас было предостаточно, потому как запланированных мероприятий на данные дни было также предостаточно, но обо всем постепенно. Мать тяжело вздохнула, взглянула на голую стену вокзала с чувством, будто ей предстоит пережить нечто ужасающее. Вздох был столь тяжелым, что я на долю секунды замер. Мне известно, насколько сильно она не любила такси, и причины я все знал, но понять в полной мере никак не удавалось.

- Тут недалеко метро, я пойду пешком. Встретимся там. – пронеслось от уходящего к площади родного человека. Мама ринулась к выходу, видимо, не желая слышать ни наше согласие, ни отказ.

- Мама, да подожди же ты. Куда ты бежишь? Мы же вме-

сте. – вырвалось у меня с губ, но скорая мысль возникла у нас обоих (имея ввиду отца).

Мы ринулись за ней к выходу, чтобы обсудить. Отцу очень не нравился подобный нрав; он выводил его из себя, но мы были на людях, а потому он сдерживался, прикрываясь искусственной улыбкой, таившей нарастающий оскал. Я тоже не понимал подобного действия. А когда ты не понимаешь родного человека – счастье семимильными шагами ускользает из твоей жизни, унося все содержимое из души, оставляя эту неприятную тяжесть в груди.

- Да постой же, мам – сказал я напористым голосом и сразу же коснулся ее предплечья, чтобы наверняка остановить эту погоню.

Что она хотела показать этой выходкой (нахально возникало в моем сознании, будто я, будучи ребенком могу называть это выходкой, а не решением или же выбором). Я до сих пор не могу до конца сложить этот пазл. Моя картина ограничена маленькой рамкой. Что мне нужно было делать. До сих нету ответа даже спустя столько времени. Мне не давали выбора, не заставляли выбирать сторону; ты становишься неотъемлемой частью обстоятельства, впихнут причинами, узнавая которые, порой сможешь предсказывать дальнейшие следствия, но никак не верные решения, а потому в порывах

никчемных понятий добра и зла, делений на черное и белое, рассуждаешь в подобных мотивах. Оставить отца на вокзале, чтобы он в одиночку добирался до треклятой квартиры, как он шел всегда по жизни, и только, приобретя семью (а на пути он всегда желал лишь опоры), надеялся на тех, кто сможет подставить плечо. Оставить мать, человека, который, казалось бы, никогда не покажет слабости, но в глазах своих до такой боли уставший, что теперь лишь тяжелые судьбы и известия о еще больших страданиях подпитывают ее оттого, что есть участь хуже, а значит, ей должно стать легче, и проблемы ее не столь существенны на фоне (чего я сам никак не мог понять, принять и уж тем боле помыслить согласиться с этим). Пойти и вовсе своим путем, добив разлад, чтобы каждый добирался своим ходом, будто мы и не семья вовсе, а лишь пародия, имитация. У этих трех голов витать будут одни и те же помыслы, но никто не выскажет их, потому как в семье этой принято не говорить, а молчать, не высказываться, а игнорировать, не глядеть, а страдать. И право, Дорогой читатель, быть может, сразу возразит, мол, не уж то нельзя сесть и поговорить, безо всяких прикрас. Видимо, в этом и есть окружавшая меня рамка. Еще до меня сказано было уж столько всего лишнего, болезненного и корезившего душу, что человек принимает истинно единственное решение - это отторжение человека, как существа явственно находящего рядом. Тогда то я и вовсе только и делал, что бил кулаком в грудь, крича возгласы простодушия, сплетаю-

щиеся с намерением разговора без душевных порывов. Не согласен я был, а с чем именно, тогда не хотел думать, да и сейчас на душе горько от этих мыслей, вспоминая которые тотчас хотелось свести беседу на простодушие к делам несущественным.

Я заказал автомобиль классом максимально возможным по своим финансам, чтобы всех все устроило. Точнее будет выразиться - дабы ничего не стряслось по дороге, помножив и такое нелегкое начало. Для меня это часто было отрадой, когда взамен каких-то бумажек можно превратить жизнь собственную и семьи чуточку лучше. Семье, я, конечно, сообщил, что попросту повезло с машиной. А пока за время ожидания я разговаривал с матерью, дабы у нее не было и времени поразмыслить уйти (я бы подобрал слово сбежать, но Дорогой читатель должен понимать, что насильно человека никто не держал. Тут присутствуют невидимые и на тот момент неведомые моему помыслу нити, которые удерживали нас вместе).

Впереди площади располагалась привокзальная парковка. Машин было столько же, сколько людей гуляет в выходные на *Puerta del Sol*⁵ (от исп.). До нас доходили звуки клаксона от несдержанных бомбил. Автомобиль наш застрял во вто-

⁵ Puerta del Sol (исп.) - центральная площадь Мадрида, одна из самых известных достопримечательностей города.

рой полосе, в ней располагалась семья, чей задачей было как раз таки добраться до вокзала. Мы как есть поменялись местами. Я сел спереди, отец позади меня. Сделав первое движение, мы тотчас встали в пробку. Мать смотрела в окно, ей было душно, но она его не открывала, будто бы намеренно добивая себя. Она не шевелилась.

- Давай я включу кондиционер? – Спросил я, повернувшись к ней по диагонали. Почему я задал вопрос, а не просто включил его. Желая передать Дорогому читателю это чувство, но я и помыслить не мог, насколько в ощущениях оно многогранно. Когда сердцебиение учащается, а дыхание, проваливаясь все глубже, напирает. Ты словно теряешь всякую связь с родным сердцу человеком. Будто зовешь его, а он не отзывается, кричишь ему, а он не откликается: и все ему одинаково - без боли, без эмоций. Боль та хороша, она дает эмоцию, стимул, а здесь ничего.

- Нет – кратко выстрелил ответ без очертаний ее зеленых глаз.

- Ты как себя чувствуешь? – Спросил я машинально, хотя сам прекрасно знал ответ. Чтобы мне ответил старый зверь, которого посадили в клетку перед рекой, а затем предложили воды.

Пробка была долгой, и каждая минута, каждый светофор (а таких было много), уничижали меня, заставляли усомниться в собственном выборе, в собственных постулатах. Музыка здесь была бы не уместна, словно кто включил мелодию Прованса в траур. Пробка закончилась. Мое окно было открыто, ветер сдул эту пену с бушующих волн.

Глава восьмая – Заезд в квартиру

Мы прибыли к огромной арке, выбивающейся из общего пейзажа. Справа от нее располагался проход, схожий с парадной-кпп, вымазанной уже слезшей черной краской. Главный величественный вход был не для нас. Солнце палило так сильно, что толстовка тотчас оказалась на моих плечах капюшоном кверху. Правее был магазинчик с продуктами. Мама уже пошла к нему (с тем же молниеносным действием, как это происходило ранее), промолвив нам что-то не оборачиваясь, возможно, о своем намерении купить какой-нибудь пищи к столу. Нам приходилось лишь догадываться, как это обычно происходило в такие моменты. Я уже сделал один выбор в сторону отца, а потому решил было направиться в магазин с ней, о чем и сообщил ему.

- Я пойду выберу что-нибудь для нас. Тебе что-то взять?
- спросил я всеобъемлюще и с ноткой натянутого умиления.

- Думаю - нет. Воды если только минеральной возьмите - коротко отрезал отец.

Еще в мои годы без памяти любил минеральную воду. Брал по две литровые ледяные бутылки и выпивал практи-

чески залпом.

- Хорошо, пойду догоню ее - ответил я вслед.

Обыкновенный магазин, каких много. Прилавки, люди, где-то бродила мама. Отыскав ее, я всячески пытался сменить тему, хотя диалога у нас не было. Поймите меня правильно, мне нужно было сменить положение ее мыслей, от чего мне будто бы должно стать полегче. Это навеивает воспоминание об одной истории и мыслях Блаженного Августина, что человек по существу своему, ищет покой и счастье, и даже помогая или делая попытки помощи, совершает их из любви к себе и собственному внутреннему удовлетворению. Помню, как затронул этот вопрос со своим другом П. Извольте заметить, Дорогой читатель, я всегда был избирателен в людях, а уж тем более в предметах обсуждения с ними, дабы меня правильно поняли. Прогуливаясь, по прохладной Петровке мы проходили Большой театр, неподдающийся ни ветру, ни времени. Мое внимание захватила музыка и сам образ, воплощающий ее. Маленькая дряблая старушка играла на скрипке, и играла довольно славно, отчего я остановился послушать, а П. терпеливо и вместе с тем учтиво внимал вместе со мной. В отрочестве я увлекался скрипкой, но

Играл на инструменте месяц, два,

Ходил к учителям,
Но как бы не старался я,
Струна не поддавалась бунтарям.
И как-то раз меня, вдруг, осенило,
Я всем своим нутром любил лишь слушать, не играть,
Внимал и восхищался музыкой великих,
На струнах пальцы не стремились продолжать.
Ребёнком осознал - играть мне не дано,
Где нет любви, не будет ничего.
Иду искать в долине жизни то,
Ради чего мне жить здесь суждено.

Но изо дня в день, каждая случайная возможность услышать хоть на мгновение эти струны души - нечто поражающее всего меня. Она отыграла бесподобно, легкие рукавички, было видно, не спасали ее маленьких стонущих от безмолвного хлада, рук от холода. Весь ее страдальческий образ впивался мне в самое сердце. Я подошел к ней, промолвив:

- Вы прекрасно сыграли, могу ли я как-то отблагодарить Вас за столь прекрасную игру. Быть может перевести Вам денег?

- Ой, спасибо, ребятки, карт нет, все заблокированы. Вот там есть дальше магазинчик. Если вам не трудно будет, белого шоколада плитку купите мне ради Бога - прозвучала весьма необычная просьба.

Мы ринулись к ближайшему продуктовому, а тот был

весьма не из дешевых. Я взял хорошую плитку белого шоколада, а вместе с этим ромашкового чаю. Вручив все это старушке (наши лица источали смущенную и слегка робкую улыбку, которая присутствует в подобный миг, а потому мы тотчас исчезли во дворах морозной Петровки), П. отдал мне половину денег, вероятно, разделяя мой порыв. Действо это требовало душевных изъяснений. А потому мы начали рассуждать.

- Я сделал это от того, что сам хотел совершить доброе дело, или потому как у себя на душе ощущал, что мне будет тягостно, ежели я пройду мимо старушки? - спросил я П., по правде говоря, не ожидая, четкого ответа, который бы меня убедил.

- Скорее все в совокупности. Чувство, привитое и рожденное в воспитании и последующем поведении психологии человека. - обмолвил П.

- Ведь, я знал, что играет она в весьма благоприятном районе, да и магазинчик не из обыкновенных. Но почему-то, чего бы она не попросила тогда, я был готов отдать последнее, лишь бы ей стало чуточку лучше. Но вместе с этим, ты должен меня понять, я избавлялся от...

- Чувства на душе - дополнил П.

- Да. Тягостного и перманентного чувства, которое возникает, когда женщина стоит в метро, а ты сидишь на своем креслице, словно барин, когда кто-либо силиться поднять громоздкий чемодан по лестнице, а ты попросту проходишь мимо, оправдывая собственное действие спешкой и делами, куда более важными, чем сама жизнь. И ведь ты меня знаешь, я тотчас же предложу свою помощь, так меня воспитали, и этому я благодарен. Но я хочу понять причину этого действия. Я содействую лишь от того, что сам хочу бескорыстно помочь человеку, или же желаю убрать это тягостное чувство, нависшее над моею грудиной.

- Ты делаешь, это для самого себя. Ты говоришь о мирском счастье, доброте, помощи, а оно начинается с тебя самого, потому ты и делаешь его для других, но начиная с себя и для самого себя.

- Но могу ли я помыслить сделать нечто доброе бескорыстно, не для себя? Надо допустить ситуацию, ежели мы говорим и утверждаем, что человек учится, а точнее будет сказать, что его учат и воспитывают, то представим ребенка, которому вечно, изо дня в день брали на веру следующую истину: "Помогать людям не нужно. Помогать людям плохо. Помогать людям - сделать плохо себе", то он будет воспринимать помощь кому-то, как нечто чуждое его существу. А зна-

чит, при дальнейшем его становлении, если возникнет обстоятельство, когда человеку незнакомому и ни коим образом с ним несвязанному вдруг понадобится чья-либо (имеется в виду любая) помощь, и наш подопытный сделает шаг и поможет нуждающемуся, хотя это действие ничего ему не даст, а может даже и навредит, то именно в тот момент можно запечатлеть первое доброе дело, сделанное бескорыстно. Помощь, которая шла от его собственного нутра, хотя все постулаты и догмы, которые были вложены в него с рождения, твердили ему об обратном. Тогда-то и можно рассуждать о помощи бескорыстной.

- Но в корысти самой порой нет ничего плохого, если сама помощь была сделана. Мы помогли старушке, взамен получив душевный покой - и всем хорошо. Вопрос лишь в том, сможет ли быть и существовать так называемая истинно бескорыстная помощь. И сколь сильно мы влияем на судьбу нуждающегося, ведь не знаем мы наверняка, нужна ли ему помощь. Быть может, мы прервем его собственное становление, навязавшись. Надеяться будем, что сердце подскажет.

Там я спросил у нее про сыр, здесь уточнил, нужен ли нам чай.

- Ой, точно, пойду возьму себе минеральной воды. От такого солнца неимоверная жажда – омболвил я и поспешил

к прилавку с водой.

- Да, конечно — не оглядываясь озвучила мама, продолжая пустынно, но целенаправленно глядеть на прилавок, с той самой серьезностью, когда человек меняет эмоцию на поставленную самим собой в голове задачу. Годами она привила себе эту способность эмоции свои подавлять прослойкой безразличия и фокусом на дела и задачи низших человеческих потребностей.

Вернувшись к ней, я мимоходом увидел ежевичную медовуху. Ежевика была моей любимой ягодой. Помню, как однажды волей случая встретился с одной своей знакомой с универа. Я тогда отдыхал в одном из санаторных городков Черного моря. Оказалось, что она также каждое лето ездила туда, только была в двадцати километрах от меня. Выходя из санатория, я взял большой стакан ежевики для нее. Ягода была такой большой и сочной, а аромат можно было учуять даже через целлофановый пакет. Почему-то в голове я решил, что ей будет приятно от каких-то ягод. Право я не ожидал, что это произведет на нее столь неизгладимое впечатление. Я подождал ее у остановки, выглядев, как слегка растрепанный романтичный разиня. Так я воображал себе в голове; детская и простодушная наивность в искрящихся глазах дает человеку защитную прослойку, от которой изобличить его в чем-то было бы крайне сложно и вовсе неуместно.

Вручив ей ягоды, оттенком напоминающие ее волосы, лицо ее придало изумленный вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.